

ИЮЛЬ

2 июля 1909 г. СПб.

Библиография Ежегодник Общества архитекторов-художников. Вып. III, 165 LXXVII стр.

Третий выпуск Ежегодника, издаваемого Обществом архитекторов-художников, в высшей степени интересен и содержателен. Надо похвалить редакционную комиссию за умелый выбор того, что воспроизведено в сборнике, притом с большой художественностью и чёткостью. Несомненно, что эти сборники будут иметь большое значение как наглядное пособие для наших архитекторов. В ежегодниках воспроизводятся снимки не только с одних чисто архитектурных сооружений. Так, теперь немало места отведено декоративной живописи - снимки с работ Рериха, Добужинского, Стеллецкого и др., воспроизведены известные «Виды Версаля» Алекс. Бенуа. ...

Ив. Л.

Слово. 1909. 2/15 июля. № 844. С. 4.

5/18 июля 1909 г. СПб. – Мюнхен.

Русские художники в Мюнхене

Случайно мне только что пришлось побывать в Мюнхене, где в настоящее время открыта десятая Международная художественная выставка, на которой после десятилетнего перерыва снова принимает участие и Россия.

Устройство русского художественного отдела было взято на себя нашей Императорской Академией художеств и, несмотря на все нападки художественных критиков, взявших себе за своеобразное правило ругательски ругать всё, что не выходит из академических стен, русский отдел имеет на выставке большой и, добавлю, вполне заслуженный успех. Должен я тут оговориться, что мои впечатления - просто впечатления любителя, интересующегося искусством и любящего его. Быть может, специалист найдёт какие-нибудь тонкие детальные ошибки в устройстве нашего художественного отдела, но общее впечатление, повторяю, от него превосходное.

Вся немецкая критика единодушно, самым искренним образом, отмечает большую интересность и солидность русского художественного отдела. Мне на выставке удалось познакомиться с даровитым профессором мюнхенской Академии художеств художником Грозеном, который в восторге от большинства работ наших художников: Рериха, Кустодиева, некоторых старых вещей Вл. Маковского (особенно его действительно хорошей вещи «В четыре руки»), пейзажей Рылова, Химоны и других.

- У меня немало знакомых русских художников, - говорил мне почтенный профессор, - и почти все они жалуются на вашу Академию художеств, на то, что дело преподавания там поставлено крайне неудовлетворительно, что художники получают диплом тогда, когда карандаша в руках не умеют держать. Странно это: я вполне искренне говорю вам, что был бы безмерно рад, если бы у всех наших академистов была такая эрудиция рисунка, как у большинства ваших молодых художников. ...

Ник. Стишинский

Санкт-Петербургские ведомости. 1909. 5/18 июля. № 148. С. 3.

12 Июля 1909 г. Талашкино

Проект условий Кн. М.К. Тенишевой по передаче своей коллекции под протекцию Русского Музея Александра III.

**Проект условия посланный Г. Нерадовскому
12 Июля 1909 г. Талашкино.**

Очень жалею, что эту канву или набросок Г. Нерадовский показал Вел. Князю, нет сомнения, что я старалась только выразить в § 6, что мне было бы очень жаль, если моё влияние будет остранено назначением лица, котор. не достаточно отнесётся ко мне хорошо, и тем удалит меня от интересов музея.

Вот те условия, котор. мне хотелось бы соблюсти при передаче моих коллекций под протекцию Русского Музея Александра III.

1.) Земля, на котор. построен мой Музей в г. Смоленске принадлежит Княгине Екатерине Константиновне Святополк-Четвертинской. Она согласна отдать в дар теперь же Музею эту землю с тем, чтобы оставить за собою право пожизненного пользования этой землей и в случае её смерти в пожизненное пользование Княгине Тенишевой.

На этой земле стоят след. постройки:

1) Здание Музея. 2) Дом Хранителя музея. 3) Дом, в котор. мы всегда останавливаемся, когда приезжаем в Смоленск. 4) Конюшня. 5) дровники и ледники.

2) После смерти их обеих все постройки, кроме Музея, дома Хранителя, дровники и ледники, должны быть снесены и вся усадьба должна быть превращена в сквер.

3.) После передачи своего музея княгиня Тенишева остаётся главной Хранительницей (надо было сказать попечительницей) этого музея с правом улучшать его, перешивать, передвигать предметы по своему усмотрению и делать новые вклады.

4.) В случае смерти Княг. Тенишевой Княг. Четвертинская, как её душеприказчица берёт на себя попечительство над музеем с правом делать в него вклады, так как она за многие года совместной работы знает вкусы и взгляды Княгини Тенишевой.

5.) Ни Княг. Тенишева, ни Княг. Четвертинская не имеют право ничего выносить из музея, и вещи, в нём хранящиеся, раз навсегда остаются в его стенах.

6.) Выбор Хранителя музея падает на Княг. Тенишеву и он должен от неё вполне зависеть и ей подчиняться.

7.) Расходы по содержанию Смоленского Музея падают на Русский Музей в размере 5 /т. руб. в год, как-то:

- 1) Хранителю музея по 150 р. в месяц при готовой квартире и отоплении — 1800 р.
- 2) 40 кубических сажений дров по 25 р. — 1000-
- 3) 4 сторожа по 25 р. в месяц 1200-
- 4) На разн. расходы, вывозку снега по одному мундиру в год сторожам и пр. 1000-

Итого 5000 р.

8.) Иллюстрированный каталог.

Этот § я не настаиваю. (Уступка.)

9.) В музей назначается входная плата в размере по 15 коп., исключая учащих с предъявлением своих билетов. Деньги эти поступают на нужды Смоленских трех приютов. (Можно входные деньги брать в пользу музея, а продажу открыток передать в пользу приютов.)

10.) В музей могут поступать вклады исключительно русской старины, или же Смоленской этнографии, дабы избежать лишнего заполнения вещами однородными, и не представляющие особого интереса в смысле русской художественной старины. (Условия принятия дара.)

11.) Я очень хотела бы, чтобы утвердили Хранителем Музея Ивана Федоровича Барщевского, проработавшего со мною уже 12 лет, и потрудившегося при постройке здания музея и собирания всех коллекций. Кроме того, он всю жизнь работал для русского искусства, только у него нет образовательного ценза. Надеюсь, что может быть эта просьба будет уважена.

Отдел рукописей ГТГ, 44/1412, 2 л.

13/26 июля 1909 г.

Русское искусство за границей...

Париж — Петербург — Лондон

...Влияние нашего русского искусства, сила русского творчества и таланта - чувствуется теперь одинаково на берегах Сены и Темзы. И различные явления в этой области одинаково близки обеим столицам мира.

В лондонских книжных магазинах вы найдёте теперь непременно не только вещи Льва Толстого, но и произведения молодых русских писателей.

Английской публике хорошо известен Леонид Андреев.

Скульптура и живопись наших художников одинаково ценятся и в Париже, и в Лондоне. Аронсон, Беренштам, кн. Трубецкой — интересуют фешенебельные салоны английского общества.

Из художников прекрасно знают Серова, Репина, Малявина, Бакста, Сомова. После спектаклей в Париже у всех на устах имя Николая Рериха, поразившего французов декорациями своей тонкой художественной работы.

Русская музыка, начиная от Глинки и кончая Римским-Корсаковым, исполняется в лондонских концертах так же, как у Колонна и Шевильера. И дягилевские спектакли посещались не только парижскими меломанами, но и специально выезжавшими на спектакли в Шатле английскими меломанами. <...>

Петербург, Лондон, Париж связываются большим кругом интересов и вкусов...

Это «сердечное соглашение» трёх столиц не только в лице их политиков и дипломатов.

Это – союз и жизни и творчества великих народов.

Азра

Биржевые ведомости. 1909. 13/26 июля. Вечерний выпуск. № 11206.

18/31 июля 1909 г. Москва.

ТИХИЕ ПОГРОМЫ

Кто был в Ярославле и видал храм Иоанна Предтечи в Толчковской слободе, тот теперь не узнает его.

Храм «промыт».

Это тот самый храм, про который я семь лет тому назад писал: «Осмотритесь в храме Иоанна Предтечи в Ярославле. Какие чудеснейшие краски вас окружают! Как смело сочетались лазоревые воздушнейшие тона с красивою охрою! Как легка изумрудно-серая зелень, и как у места на ней красноватые и коричневые одежды! По тепловатому светлomu [ф]ону летят грозные архангелы с густыми жёлтыми сияниями, и белые их хитоны чуть холоднее фона. Нигде не беспокоит глаз золото, венчики светятся одною

охрою. Стены эти - тончайшая шелковистая ткань, достойная одевать великий дом Предтечи!»

Так искренно пелось об этом замечательном храме. Теперь дом Предтечи «археологически» промыт. Промыт, будто бы под призором Археологической комиссии.

На «промывку» и восстановление потрачено, как говорят, около шести-десяти тысяч рублей.

Вся поэзия старины, вся эпидерма живописи смыта богомазами. Достоинство храма до «исправления» было безмерно выше. Говорим так небездоказательно.

Каждый из художников, бывших прежде у Иоанна Предтечи, конечно, вспомнит, насколько было лучше.

Было художественнее, было тоньше, было благороднее, было несравненно ближе к великолепным стенописям Италии.

Пропал теперь тонкий серо-изумрудный налёт травы, пропали серые полутоны всех белых частей стенописи, исчезла синева - выскочила синька.

Словом, всё то глубоко художественное и религиозное, что струилось и горело в живописном богатстве, - всё это небесное стало земным, грубым, грешным.

Искусство, одухотворённое священной кистью времени, «поправили»!

Самомнительно и святотатственно разрешили великую задачу, связующую мудрость природы, работу времени и труды человека.

Пришёл некто «серый» и решил, что всё завершённое временем не нужно, что он - «малый» - знает лучше всех, как следует снять будто бы лишние покровы. Не кто иной, как он - «маленький» - знает, какие именно были люди, отделённые от нас резкими гранями культуры.

Как далеко такое самомнение от проникновенного стремления сохранить, от желания уважать, любить любовью великою.

Даже храм, прекраснейший своими чертами и красками, не способен был вызвать заботливую, ревнивую любовь.

Да существует ли она на самом деле?

И так, понемногу, в тишине, громится духовное богатство Руси.

Незаметно погромляется всё то, что было когда-то нужно, всё то, что составляло действительное богатство и устои народа.

Погром страшен не только в шуме и свисте резни и пожаров, но ещё хуже погром тихий, проходящий незаметно, уносящий за собою всё то, чем люди живы.

Позади остаются мёртвые скелеты. Даже фантастический «танец смерти» не свойственен неподвижным «промытым» остовам.

И вводится в заблуждение народ, и не может отличить он, где источники живые и где мертвящие.

Толкуя о высоких материях, мы учим молодёжь по мёртвым буквам. Учим на том, что «промыто» невежественною рукою.

Те, кто решается сказать, что сейчас храм Иоанна Предтечи выглядит лучше, нежели был семь лет тому назад, - могут ли они утверждать, что видели его теперь и тогда.

Если не видели, то не должны и говорить.

Если видели и всё-таки скажут, что храм теперь лучше, - тогда пусть займутся сапожным ремеслом.

Стенопись храма Иоанна Предтечи в Толчкове испорчена.

Кто же это сделал? Кто наблюдал?

Защищайтесь!

Не думайте отмолчаться. Не думайте представиться, что вопрос ниже вашего достоинства.

Спрашиваю не я один, беспокойный.

Ждут ответа тысячи людей, которым искусство и красота старины близки.

Даже скромный ярославский обыватель шепчет:

- ...Ведь не мягкой щёткой, не ситным, а водою да зелёным мылом стены-то мыли. Да и заправляли тоже! А разве новое-то под старину подойдёт?..

Почти безграмотный человек почувствовал возмущение и шепчет его робкими словами.

Дом Предтечи стал просто церковью, где продаются свечи, требы, молитвы.

Кто же следил за этим «делом»?

На какого художника возложила Археологическая комиссия такое ответственное, творческое обновление работы времени и многих неведомых людей?

В комиссии бывают архитекторы, но пусть скажут, кто из художников взялся так нелепо, по-варварски обойтись с прекрасным стенным покрытием? Пусть непременно скажут. Такое имечко надо записать «погромче». Ведь не могли же трогать живопись без живописца. Это ясно.

Вообще, положение охранения памятников осложнилось ещё тем, что, чем бы ни ужаснулся зритель, ему слишком часто отвечают:

- Сделано с ведома Археологической комиссии. Неуместный проблеск благодушия.

- Не злоупотребляют ли именем Археологической комиссии? Не завелась ли где-нибудь подложная комиссия?

Теперь так много подлогов.

О надзоре за «промытием» храма Иоанна Предтечи в Толчкове пусть Археологическая комиссия непременно всё разъяснит.

На неё в народе растёт слишком неприятное и очевидное обвинение. Послушаем.

Н. Рерих

Русское слово (Москва). 1909. 18/31 июля. № 164. С. 4.

Ярославль. Храм Иоанна Предтечи в Толчковской слободе.
(Открытка)

23 июля 1909 г. СПб.

Письмо И.И. Лазаревского к Рериху Н.К.

23/VII 09.

Я виноват перед Тобой в том, что не отвечал на многие Твои письма. Тому причиной было то, что у меня накопилось масса текущего дела, которое еще увеличилось при временном закрытии «Слова». Нужно было ликвидировать много дел и много заветно-деловых отношений. Времени свободного буквально не было.

Закрытие «Слова» вышло совершенно неожиданным. Провал Фёдорова в Государственном Совете, крупнейшие материальные затраты, которые совершенно не оправдывались, усталость Москвы бесконечно субсидировать «Слово» - всё это привело к концу дела. Я абсолютно не верю в то, что «Слово» возродится. Будет иная газета, но «Слова» больше не будет.

Теперь у меня масса дела – по Москве. 5 сент. возникает снова газета Рябушинского. По-прежнему я стану во главе петербургского отделения; кроме того, теперь идёт в Москву понедельничная газета «Столичная Молва» <также> при материальном участии Рябушинского, и я должен вести всю петербургскую её часть. Поэтому приходится все воскресенья проводить в Петербурге; остальные дни недели живу около Пскова.

У меня к Тебе просьба есть. Подумай – можешь ли Ты быть чем-либо полезен в обществе и можно ли нам пристроиться как-нибудь. Я не хотел бы просить Тебя, но думаю, что если пришлось попросить, то Ты не откажешь сделать мне небольшую услугу. Искренно сказать Тебе, я боюсь просить Тебя о чём-либо: того и гляди Ты снова <...> меня с Александром Ивановичем Косоровым.

Я нашёл у Николая Ивановича, моего брата, Твой этюд – ладьи по какой-то реке. Голубчик, это такая прелесть, что чудо. Ты, вероятно, и не помнишь, когда подарил её мне.

Я очень просил бы Тебя написать мне пару словечек. Пиши по моему петербургскому адресу: Захарьевская, 23. кв. 27. (на всякий случай сообщаю и телефоны мои – личный 37-81 и на <...> 76-29.) Я приезжаю в город, как уже говорил каждую субботу.

Относительно моих художественно-литературных работ скажу малое: пишу для «Искусства Европы», «Журнала для Искусства» и ещё кое-куда по провинции. Готовлю к зиме несколько лекций для провинции.

Что < ...> – это изумительно: ни единого слова добиться от него не могу. Где картины; не знаешь ли Ты что-нибудь?

Ну, <...> всего хорошего. Напиши, когда будешь в городе.

Жму Твою руку. сердечно Твой

Ив. Лазаревский

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/902, 2 л.

АВГУСТ

5 августа 1909 г. СПб.

Эскизы и кроки

Художники находят очень желательным учреждение декоративного класса в Академии художеств.

Собственно говоря, он не вновь учреждается, а возобновляется.

Декоративный класс однажды уже существовал в Академии художеств, но плохо посещался.

Тогда на декорации художники смотрели совсем иначе.

Тогда это считалось чуть не ремеслом, и в декораторы шли очень неохотно. Теперь не то.

Отсутствие ли спроса на картины или что другое, но только все лучшие художники работают для театра.

Александр Бенуа, Бакст, Рерих, Серов, А. Васнецов, Коровин, Головин, Сомов все записались в декораторы...

Труд нынешних декораторов оплачивается лучше, чем труд покойных Шишкова и Бочарова.

Прежние декораторы получали плату «поаршинно», нынешние получают поактно...

Каждая пьеса даёт теперь декоратору от двух до трёх тысяч рублей. Пожалуй, это гораздо выгоднее, чем писать картины, которых никто не покупает...

Петербургская газета. 1909. 5 августа. № 212. С. 2.

8 августа 1909 г.

ТИХИЕ ПОГРОМЫ

Скучно быть обидчиком и ругателем.
Скажут: «Злой человек!»

- Не умеет жить в «хорошем» обществе. Трогает, что не следует. Не умеет вовремя закрыть глаза и заткнуть уши. Только себе вредит.

Сожалеют доброжелатели.

И вот учишься быть благодушным. По возможности не смотреть, меньше знать, делать своё дело. Пусть себе! Снова поклоны становятся внимательнее и взоры мягче. Предполагают: «Кажется, летний отдых повлиял благоприятно».

Но дорога русского благодушия полна бесконечных испытаний.

Нельзя выехать никуда. Из дома нельзя выйти.

Каждая встреча приносит престранные сведения.

Как быть с ними?

В каталоге смоленского городского Археологического музея приходится читать: «...окаменелые дождевые черви, окаменелые сыроежки, голова идола с чертами, проведёнными масляной краской, и т. п. редкости». Смеёшься и благодушествуешь:

- Ну, черви так черви! Сыроежки так сыроежки! Шут с ними, и с червями, и с Писаревым, и с Орловским, которые так научно написали.

Рассказывают о бывших исчезновениях предметов из новгородского музея.

Всё-таки благодумствуешь.

- Может быть, вещи попали в более надёжные руки. Опять же и предопределение!

Передают о вновь найденном в раскопке идоле, который несколько лет назад пропал из костромского музея. Стал невидим (так не будет ничего преступного).

Неукоснительно благодумствуешь:

- Да процветает научная точность и безукоризненность.

Да здравствуют точные выводы, построенные на фактах из раскопок! Да живёт точное распределение веков и предметов!

Шепчут, как из собраний одного ещё не открытого музея уже стали исчезать вещи.

Собираешься с силами и благодумствуешь.

- Хоть и плохое начало для музея, но хвала Создателю, если начали пропадать вещи ещё до открытия музея, иначе неприятности было бы больше.

Показывают, как в Мирожском монастыре после недавней «реставрации» Сафонова обваливается вся живопись, и тем погибает превосходный памятник.

Приходится уже плохо, но кое-как благодумствуешь:

- Сафонов уже много храмов испортил. Прибавим к этому синодику ещё одно имя, ведь всё равно Сафонову поручат новые работы. Всё равно не оставишь шествия вандалов.

Пишут горестные письма и ведут показать, как чудесного седого Николу Мокрого в Ярославле сейчас перекрашивают снаружи в жёлтый цвет, да ещё *масляной* краской. Причём совершенно пропадает смысл желтоватых фресок и желтовато-зелёных изразцов, которыми храм справедливо славится.

Пробуешь неудачно «благодумничать» - так больше похоже на «малодумничать».

- Таков обычай страны...

При этом упорно твердят, что новое варварство в Ярославле делается с ведома Археологической комиссии. Будто бы комиссия разрешила и *масляную* краску.

Опять плохо благодумничаешь:

- Если комиссия избрала холерный цвет, пусть так и будет, теперь в Петербурге холера. И вообще, не обижайте комиссию. Так и говорю. Слышите! Но здесь благодумничанье окончательно покидает. Становится ясно, что никакая комиссия не может разрешить и знать то, что делается сейчас в Ярославле.

Никто, сколько-нибудь имеющий вкус, не может вынести, чтобы белого Николу с его чудными зеленоватыми изразцами обмазали последствиями холеры.

Это уже невыносимо.

Или тут жестокий поклёп на Археологическую комиссию, или не завелась ли у нас подложная комиссия.

Пусть настоящая комиссия разъяснит в чём дело. Пусть комиссия печатно объявит, что всё, что делается с Николою Мокрым, сделано без всякого её ведома и должно быть строго наказано.

При этом пусть комиссия всё-таки пояснит, кто из художников решает в ней живописные вопросы.

По всей России идёт тихий, мучительный погром всего, что было красиво, благородно, культурно. Ползёт бескровный, мертвящий погром, сметающий всё, что было священного, подлинного.

Когда виновниками таких погромов являются невежественные городские управления; когда в погромах действуют торгаши-иконописцы, потерявшие представление о «честном живописном рукоделии», когда презирает святыни спесивая администрация, - тогда всё ясно, тогда остаётся горевать. Остаётся утешаться примерами дикости из прежних веков.

Но когда среди имён вандалов упоминается имя Императорской Археологической комиссии, тогда в смятении умолкаешь.

Куда же идти?

Кто же защитит прекрасную древность от безумных погромов?

Печально, когда умирает старина. Но страшно, когда старина остаётся обезображенной, фальшивой, поддельной. Это страшнее всего и больше всего подлежит наказанию.

Ждём ответа Археологической комиссии.

Биржевые ведомости. 1909. 8/21 августа. Вечерний выпуск. № 11250. С. 3.

Ярославль. Церковь Николая Мокрого. (Совр. фото)

24 августа 1909 г.

Художественные вести

15 октября выйдет первый номер нового художественно-литературного журнала «Аполлон». <...> В художественном отделе примут участие Л. Бакст, Александр Бенуа, И. Билибин, К. Богаевский, бар. Н.Н. Врангель, А. Гауш, А. Головин, И. Грабарь, М. Добужинский, В. Курбатов, Е. Лансере, Г. Лукомский, С. Маковский, Н. Рерих, А. Ростиславов, К. Сомов, С.Ю. Судейкин и др.

Речь. 1909. 24 августа / 6 сентября. № 231. С. 3.

Публикуется в сокр. по изданию: Николай Рерих в русской периодике. Вып. III. СПб. 2006.